

Недавно я закончил работу над книгой, которую писал пять лет. Мне хотелось рассказать о многом: и о своей жизни, и о работе в кино, и о людях, с которыми приходилось встречаться и которые в разные времена и при разных обстоятельствах мне помогали. Но главная цель, побудившая взяться за перо, — это найти и сказать какие-то новые слова о редком и прекрасном искусстве — искусстве клоуна.

Почему редком? Да потому, что только в нашей стране, где развитию культуры уделяется столь большое внимание, насчитывается около шестидесяти стационарных цирков: во всех же других странах, вместе взятых, их не наберется столько. В программе заняты, как правило, один, иногда два клоуна. Значит, на весь земной шар наберется, пожалуй... В общем, немного наберется...

Ну, а прекрасным это искусство я называю потому... Впрочем, как раз об этом и пойдет наша беседа.

Я получаю много писем. Спрашивают о многом и в том числе о том, как стать клоуном. Один старшеклассник недавно написал: «Я тренирую себя юмором, но пока у меня ничего не получается...».

Думаю, для того чтобы кем-то стать: клоуном ли, плотником, ученым, — нужно прежде всего беззаветно любить дело, которому ты сорвался себя посвятить. Из-под палки ни физиками, ни музыкантами, ни парикмахерами не становятся. Работа должна нравиться, увлекать. И совершенно обязательное условие — это постоянное ощущение ее общественной полезности. Без этого нельзя никак.

Полезен ли смех? Не сомневаюсь! Сила смеха просто поразительна: его можно и уничтожить (Николай Васильевич Гоголь писал, что насмешки боятся даже тот, кто ничего не боится!), и спасти, вывести, казалось бы, уже из совершенно безвыходного положения...

Не помню, где читал, как однажды на балу Александр Дюма-отец повздорил с офицером. Условия дуэли были таковы: тот, кто вытягивает жребий, идет в соседнюю комнату и стреляется. Выпало идти Дюма. Что ж, он пошел. Половина дам — в обморок. Выстрел. В обморок — оставшаяся половина дам. Открывается дверь, на пороге — Дюма с пистолетом в руке. «Промахнулся», — говорит он огорченно, — не попал...». Естественно, общий

хохот, и громче всех смеется напрочь забывший о каком-либо удовлетворении офицер. Кстати, возможно, именно этот случай лег в основу клоунады «Промахнулся», которую с большим успехом в течение долгих лет показывали в цирке многие.

Юмор любят все. Вы только подумайте, как это здорово: весело провести вечер! Каким-то непостижимым образом снимается с плеч груз забот, плечи распрямляются, и ты словно заряжаешься невесть откуда взявшейся энергией, и начинает казаться (да это и на самом деле так!), что все отныне бу-

считались аттракционы. Чего стоили хотя бы названия: «Прыжок смерти», «Стальные капитаны», «Борьба с удавом», «Четыре черта» и т. п. Конечно, и тогда были такие известные клоуны, как Константин Мусин и Карандаш, которых публика всегда любила. Но все-таки роль клоуна в те времена была, как говорится, поскольку-постольку...

Сейчас же дело обстоит иначе. Недавно среди посетителей цирка на Цветном бульваре распространяли анкету, одним из вопросов которой был следующий: «Какой из цирковых жанров вас привлекает

ДАРИТЬ ВЕСЕЛЬЕ!

Сегодняшнюю вечернюю беседу ведет народный артист СССР,
лауреат Государственной премии РСФСР
Юрий Владимирович НИКУЛИН.

деть получаться легко, непринужденно, радостно. С концертов Аркадия Райкина, например, я всегда уходил как-то окрыленный, и мир для меня окрашивался в яркие, праздничные тона. В моей семье все очень любят читать вслух что-нибудь смешное. И я уже давно знаю, что, когда удается хорошенко посмеяться, жизнь в доме идет совсем иначе...

Даже во время войны, когда кругом смерть и никому в буквальном смысле слова «не до шуток», на каждой батарее, в каждой роте находились свои Теркины — весельчаки и балагуры, и, глядя на них, было легче жить...

Много лет назад «гвоздем» цирковых программ

был «всего?». И 83 процента опрашиваемых ответили: клоунада. Без преувеличения можно сказать, что клоун стал теперь «фигурой номер один» в цирке, и на афишах программ крупными буквами набирают имена Карандаша, Олега Попова, Бориса Вяткина, Константина Бермана. Во время гастролей советского цирка в Англии одна из газет писала: «Русский клоун Олег Попов сделал для взаимопонимания и сближения двух стран больше, чем сто дипломатов!». А французы назвали его «солнечным клоуном»...

Клоуны и сама клоунада, особенно в нашем, советском цирке, неизвестно изменились. Раньше публика была попроще: дал «рыжий» «белому» пал-

кой по голове или хорошего пинка — зал в восторге. Кто-то удачно заметил, что пощечины в цирке звучали порой чаще, чем аплодисменты. Пошлость, грубость и попросту глупость репризы мало комого шокировали и считались чуть ли не «законом жанра». Традиционный «глупый Август» с давних времен и по сегодняшний день заполняет паузы во многих программах буржуазного цирка.

Наша клоунада никогда не унижает человека, не выставляет его этаким мальчиком для битья или круглым идиотом на потеху публики. Она несет людям доброту и жизнеутверждение. И зритель уже смеется не над клоуном, а вместе с ним. Радостный, веселый талант артиста делает окружающий мир чище и светлее.

Профессия клоуна — это универсальная цирковая профессия. Старые коверные, которые, как правило, работали в цирке с детства (или даже с рождения жили при нем), умели буквально все. И сейчас клоун это зачастую и жонглер, и акробат, и мим, и эквилибрист. Мы с Михаилом Шайдиным пришли в цирк, сожалению, очень поздно: нам было по 25 лет, и наверстать время, отнятое у нас войной, было трудно. Но тем не менее в своих репризах мы используем иллюзионные трюки, пантомиму.

Когда выезжаем за границу, в нашей программе нет текстовых реприз: ведь наш цирк ездит по всему миру, а все языки мира не выучишь, да и, наверное, в этом нет нужды. К тому же нам нередко приходится выступать в спортивных залах на 15—20 тысяч человек: попробуй, докричись!

Никогда не забуду, как в начале пятидесятых годов на гастролях в Ереване к нам за кулисы прислали старушку, которая всю жизнь прожила в горах и никогда до того не видела цирка. Она сказала: «Спасибо, мои милые, спасибо, так было все понятно, прямо как на армянском языке!». А ведь мы не произнесли ни одного слова!

Процесс «создания смеха» — очень трудоемкий и далеко не смешной. Мы постоянно чем-то озабочены. То необходимо придумать новый трюк, то «потворить» сюжета, то ситуацию. Потом долгие кроplотливые репетиции, тренаж. Но все трудности забываются, когда выходишь на манеж, даришь людям веселье, и они, не жалея ладоней, благодарят тебя за труд.

Бер. Москва, 1979, № 1